

⁵ Fomäs J. Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995.

⁶ Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. Также см.: Иванова Н.А. Проблема многоукладности на современном этапе развития исторической науки // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2001. С. 592–604.

⁷ См.: Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. М., 1984; Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993; Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995; Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М., 1999; Восточный социум. М., 2007.

⁸ См.: Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 60–69; Они же. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток–Запад–Россия. М., 2002. С. 109–128.

*С.П. Постников, М.А. Фельдман
(Екатеринбург)*

СОВЕТЫ НА УРАЛЕ В 1917 г.: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ*

Период последних двух десятилетий стал временем издания целого ряда историографических трудов, затрагивающих (частично или целиком) проблемы истории взаимоотношений власти и рабочих в России¹ и на Урале в 1917 г.² Мы поддерживаем как методологическое замечание Д.О. Чуракова о том, что вопрос об определении хронологических границ вообще и революции 1917 г. в частности должен быть подчинен решаемым научным задачам.

Если под революцией понимается резкая смена вектора движения, переход от одной ступени (или модели) цивилизационного развития к другой, события Февраля и Октября вполне приемлемо выделять две самостоятельные революции. Если же речь заходит о тенденциях, определявших лицо всей переходной эпохи, то в этом случае правомерно говорить о единой Великой Русской революции, как говорят о единой Великой Французской³.

Степень разработки историографических исследований позволяет сосредоточиться на характеристиках литературы, оказавшихся вне поля названных трудов, и новых оценках, имеющих принципиальное значение.

Уральская историография проблемы имеет глубокие корни и нашла отражение в целом ряде фундаментальных работ. Их анализ показывает, что наиболее изученными являются вопросы установления советской власти на Урале и участие в этом процессе индустриальных рабочих, слом старой государственной машины и создание советского аппарата, осуществление советами первых экономических, социальных и культурных преобразований.

Историографической традицией можно считать утверждение о том, что победа советской власти на Урале произошла «хотя и не одновременно, но в сравнительно короткие сроки и главным образом мирным путем»⁴. Объяснение этому историки видят в том, что на территории края имелся «мощный отряд» революционно настроенных индустриальных рабочих, который возглавляли «боеспособные большевистские организации». Кроме того, здесь действовала разветвленная сеть советов, где большевики имели значительное влияние⁵.

События февральской революции в уральских провинциях получили освещение в современной постсоветской литературе. Изменения в местных структурах власти,

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-83105а/У.

появление новых общественных организаций с научных позиций отражены в работах Н.Н. Попова (1946–2009 гг.)⁶ и историков его школы (Д.В. Бугрова, В.В. Московкина, И.С. Огановской, Л.А. Обухова), Ю.М. Яркова. Однако, исследовав воздействие партийных организаций на власть, историки недостаточно выявили взаимосвязь эволюции действий советов в 1917 г. и настроений и поведения различных социальных групп, в частности рабочих промышленности Урала. Зачастую исследование ограничивается рамками одной губернии, что противоречит специфике единого уральского региона. Все это требует дополнительного обращения к казалась бы изученной проблеме.

Вместе с тем в публикациях советских историков содержались весьма примечательные сведения о реальном раскладе политических сил в советах на протяжении весны–осени 1917 г. Так, по подсчетам О.А. Васьковского и Е.Б. Заболотного, в марте 1917 г. из 117 советов, созданных на Урале, в 25 преобладали большевики. Из них 21 совет находился на территории Пермской губернии; 4 — в Уфимской. На территории Вятской и Оренбургской не было ни одного⁷. Как видно, ареал большевистского влияния был очерчен и в количественном и в территориальном плане. Практически все советы, находившиеся под влиянием большевиков, были расположены на территории одной Пермской губернии.

Но насколько справедливо утверждение историков, прежде всего, Ф.П. Быстрых, о том, что «особенно благоприятное соотношение классовых сил в пользу большевиков сложилось в индустриально развитых регионах Урала»? По данным Ф.П. Быстрых, в трех горнозаводских уездах — Екатеринбургском, Верхотурском и Красноуфимском — было сосредоточено 42 % общей численности рабочих края, 44 % членов уральской областной организации большевиков⁸. Замечу, что автор называет уезды, где располагались предприятия либо частных, либо помещичьих горнозаводские округа. Именно здесь, существовали основные социальные и экономические противоречия уральского региона⁹. Индустриально развитые казенные горнозаводские округа являли иную картину, далекую от леворадикальных настроений¹⁰. В силу этого, положение, ставшее «классикой» советской историографии — «наиболее последовательно на большевистских позициях стояли советы заводских поселков» — требует конкретизации.

Переломными работами в области изучения политических взглядов населения Урала стали труды И.В. Нарского, опубликованные в 90-е гг. XX в.¹¹ Характеризуя политическую ситуацию на Урале в начале 1917 г., автор отмечает: партийная жизнь на Урале едва теплилась. Численность партийцев была невелика, также как и их влияние на население¹². Действительно, в дни Февральской революции на Урале насчитывалось всего 12 большевистских организаций, насчитывающих 306 чел.¹³ Неслучайно в ряд районов Урала сведения о революции проникли с опозданием на недели. Отсутствие развитой партийной системы стало одной из причин того, что отстранение прежних представителей власти сопровождалось стихийным и насильственным разрушением структур правопорядка¹⁴. Вряд ли приведенные статистические данные указывают на наличие масштабных «боеготовых большевистских организаций».

Современные исследователи обращают внимание на то, что советы являлись только частью той политической системы местного управления, которая возникла

весной 1917 г. Г.А. Дробышев и Н.Н. Попов отмечают, что в системе органов местного самоуправления, образовавшихся после падения царизма в стране в целом и на Урале в том числе, видное место принадлежало комитетам общественной безопасности (КОБам)¹⁵.

В ряде мест они назывались по-другому (комитеты общественных организаций, исполнительные комитеты, советы общественной власти и т.д.). Но везде представляли собой объединенную власть органов местного самоуправления и представителей общественно-политических организаций. КОБы сформировались почти во всех городах края, во многих уездах и даже волостях, селах, сотрудничая с советами. Функции КОБов были широкие: снабжение, охрана порядка и т.д. В первые недели после падения царизма КОБы оказались весьма влиятельными, а в ряде мест единственными органами новой власти. Даже в Екатеринбурге КОБ образовался почти на три недели раньше, чем объединенный совет¹⁶.

В опубликованной в 1997 г. работе Н.Н. Попова и Д.В. Бутрова был проведен анализ уровня влияния большевиков на советы Урала весной 1917 г. показавший, что доля большевистских советов в общем количестве советов, возникших в марте — июне, неуклонно снижалась. Это означало, что наибольшим влиянием на советы большевики обладали в марте. Затем шло последовательное снижение уровня этого влияния в крае¹⁷. Авторы отвергали традиционные объяснения причин победы умеренных социалистов в советах, но, по сути, не объясняли своих доводов¹⁸.

Н.Н. Попов и Д.В. Бутров обратили внимание на то, что уже в марте 1917 г. имели место конфликты между советами и КОБаи. Ряд советов предпринимал попытки «очистить КОБы от либералов». Часть большевистских лидеров стала отрицать саму целесообразность деятельности КОБов, поскольку последние «затушевывали классовые интересы»¹⁹.

Н.Н. Попов и Д.В. Бутров попытались дать оценку системе политической власти на Урале весной 1917 г., задавшись вопросом: существовало ли после Февральской революции двоевластие? Взвесив все доводы «за» и «против», авторы пришли к выводу: нет, не существовало. На местах действовали признанные народом органы Временного правительства. В то же время существовали и параллельные органам власти общественные организации в виде советов, которые принимали участие в решении некоторых проблем экономического и политического характера. Не стоит забывать, продолжают исследователи, что весной не только эсеро-меньшевистские но и некоторые большевистские советы поддерживали — пусть и условно — Временное правительство. И это можно рассматривать как уникальную ситуацию гражданского согласия в первые месяцы после Февральской революции, охватившую большинство населения²⁰.

Сделав подобный вывод, Н.Н. Попов и Д.В. Бутров страницей далее приходят к несколько иному и, как представляется, более обоснованному заключению: «... в стране реально складывалась удивительная система многовластия, в котором приоритетную роль призвано было сыграть Временное правительство. В одном случае это был орган собственно правительства, в другом — некий общественный орган, в третьем — земский орган, в другом — заводская администрация. Все эти разнородные элементы до поры до времени образовывали единую систему, которая регулиро-

вала ритм хозяйственно жизни, поддерживала порядок при помощи такого интегрирующего фактора, как принцип верховенства Временного правительства²¹.

Исследователи отрицают безальтернативность развития политической жизни по варианту, случившемуся в 1917 г. Наилучшим выходом из ситуации 1917 г. стал бы демократический «левый блок». Основания для этого были: в сентябре 1917 г. в 11 из 33 советах Урала существовали левые блоки и временные соглашения большевиков и левых эсеров²². Весомый вклад в изучении указанной проблемы могло бы дать осмысление деятельности партий меньшевиков и эсеров на Урале в 1917 г.

Причина «полевения» и в дальнейшем «большевизации» трактуется современными историками достаточно традиционно. Главной причиной все чаще называется продолжение участия России в мировой войне. Причины социально-экономического и политического характера играли, весомую, но не главенствующую роль, как это утверждалось в советской историографии. Здесь следует, в первую очередь, сказать о публикациях видного уральского историка Н.Н. Попова²³. Все основные события 1917 г. в России и на Урале, подчеркивал Н.Н. Попов, связаны с позицией армии, в которую за время войны было призвано 15,8 млн чел., причем 12,8 млн — из деревни²⁴.

Историки осуществили ряд попыток взглянуть на события последних месяцев 1917 г. с новых позиций, уходя от существовавшего в советской историографии штампа о быстром и «триумфальном» шествии советской власти в Уральском регионе, раскрывая всю дробность и сложность событий на Урале после Октябрьской революции. Сильной стороной исследований можно считать выявление реальной картины послеоктябрьской политической жизни в большом ряду уральских городов и рабочих поселков; стремление обрисовать характерные черты антибольшевистского сопротивления²⁵. Вместе с тем в работах историков, посвященных событиям 1917 г. на Урале, чувствуется и отсутствие методологических подходов к анализу причин быстрого или замедленного перехода власти к большевикам в городских поселениях края.

По мнению П.И. Костокрызова, «сравнительно легко большевикам удалось взять власть в горнозаводских районах с высокой концентрацией рабочих, поддерживавших их. Как правило, в заводских поселках и небольших индустриальных городах советы рабочих и солдатских депутатов, в которых большевики составляли подавляющее большинство, сразу по получении известия о перевороте в Петрограде объявляли о переходе к ним всей полноты власти. Так, до начала ноября 1917 г. власть в свои руки взяли все советы Екатеринбургского, 11 из 20 — Верхотурского и 6 из 8 Красноуфимского уездов»²⁶. Выводы, как видно, не отличаются от существовавших в советской историографии.

Однако в дальнейшем тексте статьи П.И. Костокрызов приводит убедительные примеры по большому ряду заводских поселков, в которых рабочие не оказали поддержку новой власти. Среди них пос. Миасс, где наряду с советом, до января 1918 г. действовал орган власти Временного правительства²⁷. В Белорецком, Саткинском, Кусинском поселках, где большевики составляли в советах меньшинство, им пришлось добиваться перевыборов в советы. Натолкнувшись на сопротивление рабочих и служащих, процесс большевизации выборных органов власти затягивался. Например, на Белорецких заводах — до 1 апреля 1918г.²⁸ Аналогичные факты фиксирует

взгляд историка по Верхнетуруинскому заводу, где совет был большевизирован только в конце мая 1918 г., и по Златоусту, где большинство городского совета составляли эсеры. В этом крупном заводском поселке до марта 1918 г. сохранялось двоевластие (и совместные действия) большевистских и эсеровских органов власти. Только в ночь с 17 на 18 марта 1918 г. отряд красноармейцев из Челябинска под командованием С.Я. Елькина разгромил эсеровскую дружину, разогнав городской совет²⁹.

Что объединяет названные поселки? Статья не содержит ответа на поставленный вопрос. Между тем, перед нами поселения казенных горнозаводских округов. Именно здесь, как показано в наших исследованиях, сложился особый, специфический слой рабочих, имеющих и особенные политические убеждения³⁰.

П.И. Костогрызов обоснованно отмечает: со значительными трудностями пришлось столкнуться большевикам в крупных городах, где промышленный пролетариат не составлял большинства населения³¹. Но и здесь историк обходит возможность обобщения. Попытаемся восполнить упущенное. В центрах двух индустриальных губерний (Пермской и Уфимской), в столице горнозаводского края, Екатеринбурге, городах, с относительно большим массивом служащих, специалистов, чиновников, но в то же время лишенных крупных промышленных предприятий, закономерно сложились и до 22–23 ноября 1917 г. действовали коалиционные революционные комитеты из представителей всех социалистических партий. Целенаправленная и практически одновременная акция по удалению меньшевиков и эсеров из ревкомов свидетельствует о планомерной операции центральной власти в лице большевистского руководства по недопущению сотрудничества представителей социалистических партий³².

В городах с широким представительством торгово-промышленных слоев населения (Вятка, Челябинск) переход власти, сопровождавшийся насильственными действиями, арестами политических противников и неоднократной сменой местной администрации в течение ноября 1917 г., был завершен под давлением прибывших в регион извне отрядами красной гвардии³³. Справедливо замечание П.И. Костогрызова о максимальном сопротивлении большевикам в небольших мещанско-купеческих городах (Чердынь, Ирбит, Елабуга)³⁴.

Центром антибольшевистского сопротивления стал Оренбург — столица оренбургского казачьего войска. Противоречие сохранившегося сословного строя и зарождающегося индустриального общества наиболее полно проявились на оренбургской земле. В Оренбурге городская дума в резолюции от 28 октября 1917 г. объявила большевистский переворот «преступной и предательской авантюрой», потребовала «возвратить власть Временному правительству». Войсковое правительство во главе с атаманом А.И. Дутовым начало военные действия, которые стали прологом Гражданской войны на Урале³⁵.

Причины поражения антибольшевистского сопротивления П.И. Костогрызов верно видит в его неорганизованности, раздробленности и оборонительном характере; в отсутствии политической силы, координирующей действия противников большевизма в пределах региона³⁶. Но многое проясняется, если вместо слов автора об «октябрьском перевороте» употребить иное выражение: «Октябрьская революция». В этом случае видны широкие социальные слои, поверившие лозунгам большевиков и поддержавшие власть советов. Если советская историография смогла обрисовать

часть исторической правды, то статья П.И. Костогрызова верно изображает другую часть. Но историческое полотно, как известно, требует целостности. Как видно, в исторической литературе содержится немало научных материалов, характеризующих воздействие политических сил в советах на рабочих Урала. Пришла пора выявить подлинное, нередко весьма разнонаправленное, воздействие рабочих на реальные действия советов.

Примечания

¹ Из последних работ см.: Материалы круглого стола «Февральская революция 1917 г. в российской истории» 15 марта 2007 г., ИРИ РАН // Отечественная история. 2007. № 5. С. 3–30; Материалы круглого стола «Российские революции: 90 лет спустя» 23 и 30 октября 2007 г., ИРИ РАН // Отечественная история. 2008. № 6. С. 167–190; Медушевский А.Н. Крушение демократической республики в России в 1917 г. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3–27; Фельдман М.А. Оценка Февральской революции в России и на Урале в историографии последних двух десятилетий // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 162–170; Ерофеев Н.Д. Современная историография русской революции 1917 г. // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 104–115; Чураков Д.О. 1917 г. в современной историографии: проблемы и дискуссии // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 104–115; и др.

² Васильковский О.А., Тертышный А.Т. Феномен диктатуры пролетариата // 1917 год в оценке историков. Екатеринбург, 1995; Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертышный А.Т. Урал накануне великих потрясений 1917 года. Тюмень, 1997; Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX веке. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004.; и др.

³ Чураков Д.О. 1917 г. в современной историографии... С. 108.

⁴ Тертышный А.Т. Историография советов Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (октябрь 1917–1918 гг.). Свердловск, 1988. С. 43.

⁵ Там же.

⁶ См., напр.: Бутров Д.В., Попов Н.Н. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 г. Екатеринбург, 1997; Попов Н.Н. Противоборство модернизаторства и традиционализма в России в период революции и гражданской войны: политический аспект // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения активных боевых действий на Урале). Челябинск, 1999. С. 11–18; Он же. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерк 1–2. Екатеринбург, 2000; Дробышев Г.А., Попов Н.Н. К вопросу о характере деятельности комитетов общественной безопасности на Урале в 1917 г. // Третьи татищевские чт. Екатеринбург, 2000. С. 101–104.

⁷ Васильковский О.А., Заболотный Е.Б. Итоги изучения социально-политических проблем Октябрьской революции на Урале // Историография истории Урала переходного периода. 1917–1937. Свердловск, 1985. С. 17.

⁸ Быстрых Ф.П. Победа Октябрьской социалистической революции на Урале // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет советской власти. Свердловск, 1968. С. 17.

⁹ См. подробнее: Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006.

¹⁰ Там же.

¹¹ Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. Ч. 2. Челябинск, 1995.

¹² Там же. С. 33.

¹³ Взято из: Заболотный Е.Б. Российская историография революции 1917 г. на Урале. С. 84.

¹⁴ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2000. С. 34.

¹⁵ Дробышев Г.А., Попов Н.Н. К вопросу о характере деятельности комитетов общественной безопасности... С. 101–104.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Бутров Д.В., Попов Н.Н. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 г. Екатеринбург, 1997. С. 34.

¹⁸ Там же. С. 35–36.

¹⁹ Там же. С. 39–41.

²⁰ Там же. С. 41–42.

²¹ Там же. С. 43.

²² См.: Антошин А.В. Проблемы истории революционного и либерального движения в России в творчестве Г.А. Дробышева // Россия и мир. История и историография. Междунар. альманах. Екатеринбург, 2006. С. 181–189.

²³ См., напр.: Бутров Д.В., Попов Н.Н. Бремя упущенных возможностей...; Дробышев Г.А., Попов Н.Н. К вопросу о характере деятельности комитетов общественной безопасности...; Попов Н.Н. Противоборство модернизаторства и традиционализма в России в период революции и гражданской войны...

²⁴ Попов Н.Н. Противоборство модернизаторства и традиционализма в России в период революции и гражданской войны... С. 15.

²⁵ См., напр.: Бутров Д.В., Попов Н.Н. Бремя упущенных возможностей...

²⁶ Костогрызов П.И. Октябрьский переворот и начальный этап антибольшевистского сопротивления на Урале (октябрь 1917 — март 1918 г.) // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения активных боевых действий на Урале). С. 32.

²⁷ Там же. С. 33.

²⁸ Там же. С. 36.

²⁹ Там же. С. 36–37.

³⁰ См.: Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала...

³¹ Костогрызов П.И. Октябрьский переворот и начальный этап антибольшевистского сопротивления на Урале. С. 33.

³² Там же. С. 33–35, 40.

³³ Там же. С. 36–37.

³⁴ Там же. С. 44.

³⁵ Там же. С. 40–43.

³⁶ Там же. С. 45.

*Е.Г. Путилова
(Нижний Тагил)*

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕАБИЛИТАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ДВИЖЕНИЕ «МЕМОРИАЛ» В РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Вторая половина 1980-х гг. была временем не только «перестройки» общественного строя в нашей стране, но и сознания советских людей. В этот период происходит переоценка многих исторических событий и фактов, раскрытие «белых пятен», которые замалчивались или искажались подцензурной официальной наукой. В первую очередь это коснулось такой ранее запретной темы, как история сталинских репрессий. В журналах и газетах стали появляться публикации по теме репрессий, а в печати и на телевидении впервые прозвучало слово «Журупаты» — название местности в окрестностях Минска, где было обнаружено место коллективного захоронения жертв расстрелов 1930-х гг.¹

Именно в обстановке информационной свободы начали появляться люди, движения, общества, жаждущие раскрыть все кровавые тайны сталинского периода, заняться увековечением памяти жертв политических репрессий. Одно из таких движений стало известно обществу как движение «Мемориал».

Со временем у «Мемориала» стали появляться и другие не менее важные задачи, чем увековечение памяти жертв репрессий. Как только появилась возможность говорить о законодательной защите прав бывших узников и тех, кого репрессии оставили сиротами, «Мемориал» стал инициатором принятия закона «О реабилитации жертв политических репрессий». В работе над Законом принимали участие многие представители «Мемориала». Решающую роль в его выработке и принятии сыграли С.А. Ковалев (председатель Комитета по правам человека) и А.Л. Кононов (член Комитета по правам человека, ныне — судья Конституционного суда Российской Федерации)².

Исследовательская литература непосредственно о реабилитации жертв политических репрессий до недавнего времени оставалась очень скудной. Основной причиной этого можно назвать ограниченный доступ к архивным материалам по данной